

ОБ ЭТОМ СЛУЧАЕ ДО СИХ ПОР ХОДЯТ ЛЕГЕНДЫ. КОЕ-КТО ВЕРИТ В НЕОБЫКНОВЕННЫЙ НОМЕР СОВЕТСКОГО ЦИРКАЧА КОЕ-КТО НЕТ: ДЕСКАТЬ, МАЛО ЛИ ЧТО МОЖНО ПРИДУМАТЬ. МЕЖДУ ТЕМ, В КРАТКИХ СООБЩЕНИЯХ ГАЗЕТ НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО СЛОВА ИЗ ОБЛАСТИ ФАНТАЗИИ.

ПРАВДА, о самом трюке говорилось не очень много. А так хотелось узнать обо всем подробнее. И вот мне повезло: на фестивале дружбы советской и монгольской молодежи я встретился с артистом цирка Геннадием Поповым, чье необыкновенное мастерство заставило замереть от восторга весь Париж. С его слов и написан этот очерк.

Геннадий медленно шел по затихающим улицам Парижа. Вечерело. Все ярче разгорался на улицах неоновый пожар реклам и вывесок, все меньше становилось прохожих. Холодный вездный ветер загонял их в подворотни домов, в уютные залы баров и ресторанов. Геннадий, казалось, совсем не замечал холода. Да и впрямь, разве можно сравнить парижскую зиму с русской! И все-таки Попова немного лихорадило. Не от пронзительного ветра, не от жиденького снега, а от небывалого внутреннего напряжения. Сколько же времени осталось до того часа!

Как же это случилось! Как началось! Геннадий вспомнил первые дни приезда советского цирка в Париж. Публика французской столицы буквально ломилась на представление. Трудно было кого-то выделить из труппы. Старались, конечно, все.

Геннадий Попов был природным эквилибристом с поразительным чувством балансирования. Прибавляя к этому неумное трудолюбие, помноженное на постоянный поиск. Мастер спорта по современному пятиборью, отличный акробат, он имел хорошие возможности для выполнения различных трюков. Представьте себе, к примеру, такое: Попов делает стойку на левой руке, а на вытянутой правой лежит двухпудовая гири.

Словом, невысокого, крепко сшитого русского пареня заметили не только французская публика, но и специалисты, но и вездесущие журналисты. Они и решили сыграть на имени гостя из Советского Союза, создать сенсацию.

Зимой Париж не сравнишь с летним. Сиротливо стоят каштаны на Больших бульварах: художники Монмартра уже не рискуют выставлять свои произведения прямо на улице; в серой промозглой дымке не очень-то полюбуешься красотами Собора Парижской Богоматери. А раз так, то зачем состоятельным туристам направляться в это время года в Париж. Вот если бы в Париже происходило что-то особенное. А чем удивить пресыщенную публику!

...Геннадий прошел по площади Республики, остановился у Триумфальной арки, поднялся на Монмартр. Но как ни старался отвлечься, взор его, как магнитом, притягивала видная почти со всех точек города Эйфелева башня. Легкое ажурное сооружение стремительно уносится ввысь на сотни метров. Сейчас, конечно, никого не удивит такой высотой. Но нельзя забывать, что строили башню в конце прошлого века. Нельзя представить Париж без Эйфелевой башни, так же, как Эйфелеву башню без Парижа.

...Геннадий не заметил, как подошел к основанию башни. Здесь как всегда, толпились любопытные. Здрав голову, Попов долго смотрел на мигающий красный огонек, укрепленный на самой вершине — берегись, летчик! Но Геннадий думал не об авиации, а об акробатике. Ему было обидно, что при создании ис-

тории Эйфелевой башни забывалась именно эта любопытнейшая страница. Ведь в те давние времена среди строителей не было верхолазов-высотников. Просто подобной профессии тогда не требовалось. И тогда решили обратиться к акробатам. В короткое время опустели многие европейские цирки. 200 акробатов срочно переквалифицировались в строителей.

Все это Геннадий узнал совсем недавно. Узнал он и другое: Эйфелева башня и акробатика как породнились так и не захотели расставаться. Венцом циркового трюкачества а точнее — лихачества, становился такой номер: акробаты делали стойку на самой кромке верхней площадки Эйфелевой башни. Внизу — притягивала к себе бездна, сверху — облака. 24 смельчака пытались этим трюком завоевать себе славу. 24 человека сорвались вниз на сокрушающий бетон. Геннадий должен стать 25-м.

Странно, но сейчас он почти не сердился на журналистов, пустивших очередную газетную утку. Нет, за

ВЫЗОВ

славой Геннадий не гнался. Эйфелева башня разбежала в нем профессиональное любопытство.

«Русский делает стойку на Эйфелевой башне!». «То-ропитеесь в Париж!» — разнесся слух. Более того, назначался даже день и час. Собственно, газеты ничем не рисковали. Не состоится трюк — публика решит, что русский трусил. А состоится...

Нет, конечно, Геннадий никаких обещаний никому не давал. Зачем ему это бесполезное трюкачество. Оно так далеко от подлинного циркового искусства. Но здесь обстоятельства складывались особо. Разумеется, никто из труппы не подталкивал Попова: «Решай, Геннадий, сам». И Геннадий решил.

...Огромная толпа загроудила все пространство перед Эйфелевой башней. Нетерпение зевало нарастало: обсуждались шансы, заключались пари.

Вот лифт стремительно доставил Геннадия на третий ярус. Попов остался один на небольшой площадке. Внизу раскинулся огромный город. Где-то рядом проплывали облака. Геннадий больше, чем когда-либо, ощущал высоту, раскачивание башни. Амплитуда колебаний достигала трех метров, но чтобы рухнуть вниз достаточно и миллиметра. Как же угадать роковую, самую последнюю точку амплитуды! Пока это не удавалось никому.

И вдруг Геннадия осенило. А что, если вначале провести репетицию! Да, да, репетицию. Здесь, на полу площадки! Легко и уверенно сделал он стойку. И сразу многое стало ясно.

Ну, побра! Правая рука надежно легла на кромку перил. Тело послушно стало подниматься. Еще чуть-чуть. Еще совсем немного. Геннадий почувствовал, как его стремительно понесло в бездну. Огромным усилием он удержался. Теперь качка в другую сторону. Что там девятибалльный шторм! Наконец, Геннадий твердо оперся на свои руки. Четко вытянул ноги. Стойка сделана! Как медленно тянутся секунды. Одна, две, три. Теперь можно и опуститься. Геннадий чувствовал, как от громадного напряжения натянут каждый нерв. Вот-вот оборвется.

А внизу бушевала толпа. Невозможное свершилось. «Браво, русский! Молодец!».

Сил у Геннадия хватило только для того, чтобы доехать до отеля. Вот когда сказало колоссальное напряжение. Он медленно поднимался по лестнице, с трудом находя ступеньки. Пространственная ориентация была нарушена. Но это, конечно, пройдет. А вечером Геннадий увидел у себя несколько седых волос. Но, несмотря на то, что Попов был счастлив. Ведь он принял вызов и победил!

Ю. МАЙОРОВ.